

Уведенные Плетневым

Михаил Плетнев и Владимир Минин играли духовную музыку

Елена Ложкина

В канун 150-летия со дня рождения Сергея Ивановича Танеева Михаил Плетнев и Российский национальный оркестр, камерный хор Владимира Минина исполнили первый и последний опусы композитора. Духовные сочинения – кантаты «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма» увели слушателей из мирской жизни Концертного зала им. Чайковского более чем на два часа в мир, где суета сует становится бессмыслицей.

Оба коллектива под предводительством Плетнева уже «продвигали» музыку одного из современников-друзей Чайковского, учителя Рахманинова, плодотворного мыслителя, гиганта полифонии и отзывчивого весельчака в жизни. В Москве – исполнением оперы «Орестея», в Лондоне – кантатами «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма», плюс Плетнев – поклонник замутненных нерадушным веком танеевских идеалистичных истин, записал три диска, тем самым возвестив миру о недопустимом неведении.

Но в позорном незнании как будто пребывала до этого момента и столица. Настолько редко исполняются российскими музыкантами произведения Танеева. Композитор, первым сочинением которого (исключительно по нумерации, не по существу) стала кантата «Иоанн Дамаскин» на слова А.К.Толстого, закончил свой творческий путь «По прочтении псалма» на стихотворение А.С.Хомякова. Эти памятные одножанровые сочинения Танеева – «Иоанн Дамаскин» – дань учителю Николаю Рубинштейну, «По прочтении псалма» – памяти матери, которая выучила с ним наизусть еще в детстве одноименный стих (как оказалось – основу будущего последнего сочинения), – внеличностное, вселенское религиозное таинство единения чело-

Плетнев словно растворился в лирической поэме Танеева.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

века с Богом и мирозданием за порогом внешней церковной условности.

И Плетнев с оркестром и хором сумел раствориться в лирической поэме («Дамаскин») и грандиозном полотне («По прочтении») танеевских кантат. В исполнительском совершенстве двух коллективов (РНО и камерным хором) он нашел единодушную и совершенную отзывчивость своей любви к музыке Танеева. Густые пласты гигантской полифонии «По прочте-

нии псалма» Плетнев, как опытный музыкальный гид, развел в стройное величие звукового и мотивного космоса.

О вещах, о которых Танеев написал свой «русский реквием», Плетнев говорил единственно возможным способом – с непокрытой головой и обнаженной душой.

Молитвенная хоральность, не только вокальная, но и оркестровая, буквально удерживаемая им каждым дирижерским штрихом с предельным звуковым и динами-

ческим совершенством, казалось, исходила не со сцены академического зала, вечно ругаемого за несовершенство звуковой отдачей, а акустически совершенного храма.

В первом отделении десятисекундная пауза светлой тишины после растворившегося в зале последнего отзвука кантаты «Иоанн Дамаскин», когда Плетнев уже опустил руки и недвижимо продолжал стоять, возвещая действительный возврат в реальность, раздались скованные, как будто извиняющи-

еся за свое вторжение, аплодисменты. Они не хотели врываться в это сдержанное поминовение. Восхищенными и признательными, но робкими «браво» слушатели смогли отблагодарить исполнителей только после повторного выхода маэстро на поклон. Все предельно очевидно: аплодировать в храме не принято.

Елена Ложкина – музыкальный критик, обозреватель портала «Parter.ru».

Михаил Плетнев

27.11.06